

Сначала он появился в «Ворошиловском стрелке». Потом — в «Маросейке, 12», в «Каменской». А когда осенью два разных телеканала запустили в одно и то же время сериалы «Воровка» и «Дальнобойщики», стало понятно, что на молодого актера Влада Галкина сегодня делают ставку многие режиссеры. Прошло несколько месяцев, и ситуация повторилась: на ОРТ шел фильм «Следствие ведут ЗнаТоки. Десять лет спустя», на НТВ — опять «Дальнобойщики» с Галкиным в главной роли. На прошлой неделе начался показ мужского кино «Спецназ». Вывод один: без Влада теперь не обходится ни одна приличная картина.

Владислав Галкин:

КВАРТИРЫ НЕТ, ПОТОМУ ЧТО МАШИНЫ ПОКУПАЮ

«Мне и в «Каменской» роль предлагали, но времени не хватило»

— Да-да, я уже слышал, что меня стало слишком много. Буквально вчера товарищ сказал: «Галкин, ты замучил! Что происходит?»
— Действительно, что? — Не знаю. Мне кажется, все идет своим чередом. Я, конечно, могу задумываться над тем, много меня или мало, но влиять... Как? Что я могу сделать с тем, что «Дальнобойщиков» показали по НТВ, по REN-TV, по каналу «Столица», а теперь снова запустили на НТВ. На мой взгляд, это ужасно. Да, картина была на верхушке рейтинга, оказавшись выше многих популярных передач, собрала

всю похвалу и лесть, какие могла собрать. Но зачем же ее так тиражировать? Народу нравится, и слава Богу. Лучше бы продолжение начали снимать.
— Продолжение, как правило, бывает хуже первого фильма.
— Конечно! Если речь идет о художественном кино. Оно тем и ценно, что цельно. Это от и до рассказанная история. И никто, понятная история. И никто, никто, никто не будет снимать вторую часть «Сибирского цирюльника». Но «Дальнобойщики» — сериал: 20 серий, историй, самостоятельных картин, связанных между собой только героями. И новые истории в новых сериях, надеемся, будут не хуже прежних. Да и «ЗнаТоки» уже другие, хотя бы потому, что снимал Хотиненко.

«Как порядочный, сразу шел в загс»

— К слову, с женами, как и с машинами, расставались, потому что привыкли?
— Плохой вопрос... Есть люди родные, есть неродные. Кто-то долго выбирает, присматривается, потом один раз женится — и навсегда. А я, как порядочный, сразу шел в загс. Первый раз женился очень рано, в 18 лет, и, каюсь, поступил тогда не совсем честно: жена меня интересовала постолюк-поскольку, я в большей степени был озабочен потомством.
— Странная озабоченность для 18-летнего парня.
— Тем не менее она была, потом прошла, потом снова возникла...
— Отцу, наверное, и в молодости было сложнее, чем вам сейчас?

«Ты не получаешь деньги — значит, они остаются другому»

— Помните, на что потратил первый гонорар?
— Финансовые притязания возникли гораздо позже. Поначалу отдавал деньги родителям, когда стал ездить на съемки один, скупал в провинции книги. Но всегда все вез в дом: родителям, женой.
— А могли бы ради какой-то идеи сняться бесплатно?

Из дальнобойщиков в спецназовцы? Запросто!

— «Дальнобойщики», кажется, ваша первая масштабная работа?
— На телевидении — да. Но у меня есть серьезные, в том числе международные призы за очень хорошие роли, которые почему-то не знают... Даже картина «В августе 44-го» прошла — и все. А тут появился в телевизоре — и уже популярный. Кстати, мне недавно вручили приз «Открытие года». Мы с Дашей (жена Влада) — актриса и режиссер Дарья Михайлова. — Т.П.) порадовались: наконец-то актера, у которого более 30 фильмов, признали открытием года. Занятно!

— Это парадокс актерской профессии. У многих актеров по 100 и больше ролей, а зрители знают их по одной-двум. Стало быть, надо чаще появляться в телевизоре.
— Это не всегда возможно. В «Каменской» мне, например, предлагали одну из главных ролей — не получилось по времени. Недавно встретил Вележеву (исполнительница главной роли в сериале «Воровка». — Т.П.), она спрашивает: «Слышал новость? Начинать снимать новые 100 серий «Воровки». Я чуть не рухнул. На предыдущие 28 согласился, потому что был свободный месяц. Но еще год участия в том же проекте? Для меня это просто нереально — сейчас много другой работы.

— Разрываетесь между режиссерами и фильмами?
— Не только. Мы с Дашей создали фонд социального развития и поддержки искусства «АРТ-АРС». Да-да! Когда приходишь к потенциальным спонсорам и инвесторам, чем лафоснее название твоей фирмы, тем серьезнее к тебе относятся. Фонд уже уредил театр, теперь ищем помещение.

— Сейчас это модно — быть главным режиссером, продюсером и исполнителем главной роли в одном лице.
— Ой, нет. Что-то, а мода меня никогда не волновала. Есть же классика. И есть то, что лично тебе нравится. Я, например, люблю большие машины, а тут как-то сел в седан — «Мерседес-560», купе, спортивный, красивый безумно! Сел — и не могу вылезти. Остановило от покупки только одно обстоятельство: очень уж неприятно, когда колесо проезжающего мимо «КАМА-За» оказывается на уровне твоей головы. Ощущение — словно ты голый... на лыжах. В джипе чувствую себя более уверенно.

«Как родители, прожившие много лет вместе, реагировали на ваши поиски?»

— Пытались что-то говорить. Но... Есть такая шутка: «Если уж я чего решил — вышью обязательно». Меня сложно в чем-то переубедить. И я рад, что за жизнь была. Если бы этого опыта не было, наверное, до сих пор бы сомневался. А теперь уже подрос.
— Дашу-то не шокировало количество штампов в вашем паспорте?
— Она смотрела не в паспорт, а в глаза. Потом, Даша тоже была замужем, у нее взрослая дочь.
— Но не три же раза!

«Родители-то были категорически против того, чтобы я продолжил их путь. Мать пророчила мне хирургическую карьеру... Что говорить, наша профессия чудовищная, страшная!»

— Это штука относительная. Вроде как один раз женился, потом второй, третий... А дальше уже количество не имеет значения. Конечно, с моей стороны это были абсолютно незрелые поступки. Знаете, как все происходило? Я шел в загс, потом уезжал на полгода на съемки, возвращался и снова шел в загс... разводиться. Теперь я думаю: зачем мне это надо было? Поэтому и не люблю эту тему. Было, но прошло. Все мое время.
— Но вы не только женились, но и сниматься начали рано, в 9 лет получив роль Гекки в «Приключениях Тома Сойера и Гекльберри Финна» плюс приличный гонорар!..
— Да, в то время, когда многие люди получали 90 рублей в месяц, мне платили 140 плюс 2,60 — суточные. Хотя и это были нищенские деньги. Как ребенок, я должен был сниматься по 4 часа в день, а снимался по 8—10. К тому же, находясь в экспедиции, ты не можешь сварить себе на завтрак кашу и трапезничать на еду гораздо больше, чем дома. Съемки — это ведь постоянные бутерброды, перекармливание... Правда, к 15 годам моя ставка достигла фантастической суммы — 28 рублей в день. Столько получали те, кто закончил институт и уже 5 лет проработал в кино. Но, к слову, наша

«У меня их два... Джипа»

— Это правда, что первая ваша съемка случилась втайне от родителей?
— Абсолютно! Бабушка услышала по радио объявление и пришла меня на пробы. Родители-то были категорически против того, чтобы я продолжил их путь. Мать пророчила мне хирургическую карьеру, хотя по ее линии все художники и скульпторы... Что говорить, наша профессия чудовищная, страшная!
— Чудовищная, страшная... А конкурсы в театральные и сейчас огромные.
— Поступая, люди не знают, на что идут. На первом курсе все гении, на последнем — хватаются за голову, не зная, что делать дальше. По нагруз-

кам профессия просто ужасная. Ты должен многим жертвовать, не можешь отвлекаться ни на что другое, не имеешь возможности нормально питаться (что нашел — то и съел), а значит, очень скоро зарабатываешь язву. Естественно, абитуриенты об этом не догадываются. Они бросаются в эту пучину, и лишь некоторые в ней выживают. Но такая «спортивная» жизнь. (Улыбается.)
— «До сих пор удивляюсь, как удалось аттестат получить»
— У вас к моменту окончания школы за плечами было 13 или 14 работ. Вопрос, может, не совсем правильный, и все же: зачем вы пошли в «Шуку»?

как получили аттестаты. То же самое было в десятом классе. Мотался по городам и полутно что-то сдавал...
В поступлении в «Шуку» не было никакого расчета. Так было правильно. Там учился отец, который рассказывал, что студенческие годы — это классно. К сожалению, я уже такого кайфа от учебы не испытал. Из 35 человек на курсе закончили только 14. Многие ушли из-за невыносимой психологической обстановки в «Шуке» — ее тогда даже называли высшим полицейским училищем имени Шуккина. Категорически не разрешалось работать в кино. А как можно запретишь сниматься человеку, который делает это с 9 лет?! Для меня четырехлетний простой — недозволенная роскошь. Потом, я никогда не был по-театральному коллективным человеком. Хотя и прожигал детские годы за кулисами вместе с сыном моей крестной Екатерины Васильевой Димой Рошиным (сейчас он — бабашка в одном московском храме).

Однажды со мной случилась одновременно смешная и ужасная история. Мне было 13 лет, когда я во время спектакля «Так победим!» во МХАТе оказался в радиорубке. В этом спектакле артисты, выстроившись на авансцене, поют песню под фонограмму. А так как народ они глумливый и достаточно циничный, каждый пел, что хотел. Я сидел, нажимал на разные кнопки — и донажимался: фонограмма отрубилась, и зрители услышали, как участники хора орут кто во что, кто что. Скандал был жуткий. В другой раз из-за того, что мы с Димкой открыли какие-то струбины, на нас упала декорация. Тогда это было весело, ни о каких схлоках и интригах я понятия не имел. Тем не менее театральная дверь так и осталась для меня закрытой.

— «Петушка и петух»? «Кукушка и кукух»?
— Читая в каком-то журнале ваш рассказ о поступлении в «Шуку», смеялась до слез. Может, исполните — на бис?
— Сейчас история кажется смешной, а тогда было страшно. Поступление стоило мне большой крови. Нормальные люди готовились к нему не менее работы у всех были двойки, потому что писать на украинском мы, естественно, не умели. До сих пор удивляюсь,

как получили аттестаты. То же самое было в десятом классе. Мотался по городам и полутно что-то сдавал...
В поступлении в «Шуку» не было никакого расчета. Так было правильно. Там учился отец, который рассказывал, что студенческие годы — это классно. К сожалению, я уже такого кайфа от учебы не испытал. Из 35 человек на курсе закончили только 14. Многие ушли из-за невыносимой психологической обстановки в «Шуке» — ее тогда даже называли высшим полицейским училищем имени Шуккина. Категорически не разрешалось работать в кино. А как можно запретишь сниматься человеку, который делает это с 9 лет?! Для меня четырехлетний простой — недозволенная роскошь. Потом, я никогда не был по-театральному коллективным человеком. Хотя и прожигал детские годы за кулисами вместе с сыном моей крестной Екатерины Васильевой Димой Рошиным (сейчас он — бабашка в одном московском храме).

является не преимуществом, а скорее недостатком. Приемную комиссию это, как правило, раздражает. Тем не менее после прослушивания меня сразу отправили на второй тур. Прозу с трясущимися коленками как-то прочитал. Но когда дело дошло до басни, ног ниже колен уже не было. Все происходило как в страшном сне. Мне казалось, еще чуть-чуть — и упаду. Для начала надо было произнести название произведения громко, четко и уверенно. И я выдал: «Автор — Крылов. Басня — «Петушка и кукух»... Раздалась тихие смехи. «Галкин, повторите еще раз название!» Я судорожно начинаю соображать, что не так — вроде говорю громко и четко. Повторяю: «Крылов. Басня «Петушка и петух». Хотел становится малосдерживаемым... В третий раз я выдалвил из себя: «Кукушка и кукух». Минут семь пыжился, пока не понял, в чем дело. Тут меня охватил ужас: ну вот и все! Вот и «поступил»!.. Читал басню я уже под аплодисменты и гомерический хохот. Верите или нет — меня приняли после этого тура, третьего не было. Оставалось одно испытание — коллоквиум у Владимира Абрамовича Етуша. А он ведь бывший разведчик, и общаться с ним в критических ситуациях очень тяжело. Так что его вопрос «Какие театры в Москве вы знаете?» выбил меня из колеи. С перепугу я сказал: «Театр имени Шуккина!» К счастью, роли это уже не играло.

В жизни, конечно, всякое случается. Но нели предстать перед приемной комиссией шутком не было. Мне свойственно в некотором смысле даже драматизировать события, чтобы они быстрее закончились. А вообще я человек настроения. Утром могу относиться к проблеме легко — вечером она будет выглядеть для меня трагической. Это зависит от состояния, от того, как проснулся — проснулся сам или разбудили, во сколько это случилось. Словом, для близких мой характер — отнюдь не подарок.

— А как же ваше дворянское происхождение?
— Отец действительно прямой потомок Кутузова, и в какой-то период своей жизни я очень даже этим интересовался. Но что с того?
— Ну, вы хоть немного ощущаете себя аристократом?
— А это все в нас! (Смеется.) Не лепить же ярлык на лоб. Визитку с вензелями делать? Ильичу и Петровым похваляться. К жизни нельзя относиться серьезно, иначе — конец!

— А как же ваше дворянское происхождение?
— Отец действительно прямой потомок Кутузова, и в какой-то период своей жизни я очень даже этим интересовался. Но что с того?
— Ну, вы хоть немного ощущаете себя аристократом?
— А это все в нас! (Смеется.) Не лепить же ярлык на лоб. Визитку с вензелями делать? Ильичу и Петровым похваляться. К жизни нельзя относиться серьезно, иначе — конец!

— А как же ваше дворянское происхождение?
— Отец действительно прямой потомок Кутузова, и в какой-то период своей жизни я очень даже этим интересовался. Но что с того?
— Ну, вы хоть немного ощущаете себя аристократом?
— А это все в нас! (Смеется.) Не лепить же ярлык на лоб. Визитку с вензелями делать? Ильичу и Петровым похваляться. К жизни нельзя относиться серьезно, иначе — конец!

— А как же ваше дворянское происхождение?
— Отец действительно прямой потомок Кутузова, и в какой-то период своей жизни я очень даже этим интересовался. Но что с того?
— Ну, вы хоть немного ощущаете себя аристократом?
— А это все в нас! (Смеется.) Не лепить же ярлык на лоб. Визитку с вензелями делать? Ильичу и Петровым похваляться. К жизни нельзя относиться серьезно, иначе — конец!

Татьяна Петрова.

фото: Владимир Митрофанов

фото: предоставлено пресс-службой ОРТ